

Слёзы Турана -2: Торопись, Бек-Джигит!

Category: Kitarcsy, Taryhy proza

написано kitarcsy | 24 января, 2025

Слёзы Турана -2: Торопись, Бек-Джигит! ТОРОПИСЬ, БЕК-ДЖИГИТ!

Под вечер к Фарабу, небольшому селению, расположенному у величественной Джейхун, подходил караван. Он шел из Самарканда в Мерв. В середине длинной вереницы верблюдов виднелся высокий паланкин.

Около дородного, высокого драмодера бодро цокал арабский жеребец. У молодого всадника потели от напряжения ладони, сжимавшие поводья, а конь прядал ушами и мотал головой, требуя воли.

Юноше и самому хотелось лететь вперед быстрее ветра, но он давил в бока жеребцу ногами, обутыми в византийские сандалии, звонким голосом распевая старинную песню бродячих артистов:

*– Мы несем домой
из далеких гор
славную добычу:
кровавую дичь..*

Испуганные человеческим голосом, из зарослей вылетали фазаны и утки... А юноша самозабвенно пел, перекинув через седло тяжелое копье. Пел и любовался красотой мира.

Испуганные человеческим голосом, из зарослей вылетали фазаны и утки... А юноша самозабвенно пел, перекинув через седло тяжелое копье. Пел и любовался красотой мира.

– О, уважаемая, скоро ваш дом. Славный Мерв! – сказал он громко девушке, выглянувшей из паланкина. Но тут же всадник встрепенулся, выхватил стрелу и, почти не целясь, выстрелил в кусты на вершине бархана. Послышался жалобный писк и к ногам верблюда по песку скатился заяц...

– О, небо! – промолвил воин, натягивая удила. – Само небо

приказывает совершить жертвоприношение перед тем, как переплыть Джейхун и вступить в Кара-Кумы.

– Да будет так! – задумчиво и тихо ответила девушка и послала кормилицу к караван-баши, чтобы тот приказал сделать привал.

Путники расположились на отдых. На ковре разложили чурек, сыр, несколько горстей сухого гороха. Молодой огуз через перерезанную шею выломал у заячьей тушки кости, набил ее диким луком, пряностями и... камнями, раскаленными в огне. Потом зайца уложили в костер. Все спорилось в руках молодого, красивого воина. Ловко орудуя у костра, Ягмур негромко запел:

– Снег и холод – все пройдет.

Солнышко растопит лед.

Эй, табунщик, я прошу:

не жалея теперь коня,

скакуна гривастого

для меня несчастного...

– Джигит! – окликнула девушка.

– Ой, джан! – встрепенулся Ягмур.

– Послушай, джигит, какое затмение нашло на храбрейшего?

– Если болит душа – все проклянешь! Что ждет меня по ту сторону этой бешеной реки?..

– Будь храбр и смел, джигит! В стране, где царствует всесильный лев, ты найдешь свое счастье.

– Да сбудутся ваши слова, Аджап-джан! Славный мастер Айтак не раз говорил мне о справедливости владыки, которому я хочу предложить свой меч и сердце. Ведь он по справедливости, такой же огуз, как и я. Его величие и слава – слава нашего народа.

– Сердечные речи. И мне так хотелось бы воспевать ту славу в стихах! – Аджап взяла чанг, провела по струнам нежными пальцами и нараспев проговорила:

Быстрокрылой птицей стать бы мне,

Взвиться, полететь бы, как во сне.

И спуститься, и воды напиться

Из ручья в родимой стороне.

– Постой, ханум! – притих Ягмур. – Не о тебе ли говорили в Самарканде? Ты не дочь ли хранителя библиотеки султана султанов?

Девушка согласно кивнула.

– О, будь я проклят! Как я посмел разделить тепло этого костра с достопочтенной красавицей!..

Аджап смутилась.

– О, достойный воин! Искренность – дорогой товар, не расточай его в пустыне. А право быть достойным ты завоевал, когда один дрался с пятью разбойниками... Смотри, заяц, кажется, подгорает. Ягмур бросился к костру, разбросал головешки и положил перед прекрасной спутницей лучшие куски жаркого, с почтением встав на другом конце ковра.

Аджап жестом пригласила сесть рядом:

– Умеющему владеть мечом, как поэт пером, надо знать одну истину: женщина славится прошлым, а мужчина – будущим!

– Да вечно живет султан султанов! – почтительно отозвался Ягмур.

– Один из справедливейших на земле! – добавила Аджап и продолжала. – В караван-сараяе Самарканда я встретила воина из дворцовой стражи. Он изуродован и похож на черепаху: горбат, хромой, но ум его остер, как кинжал. В Самарканд он привозил медь для мастерских главного визиря и рассказал, что недавно огузы отказались платить дань, возмущаясь действиями сборщиков податей. Оберегая соплеменников, султан султанов приказал казнить на дворцовой площади возмутителя спокойствия.

– Горбатый воин? – переспросил Ягмур.

– Страшно горбатый.

– О небо! Почему я не узнал этого раньше. – Глаза воина загорелись злостью, рука рванулась к мечу.

– Что так встревожило храбреца?

– Есть тайны, которые рождены только для мужчин.

– Отец не раз делился со мною секретами дворца, за которые сам эмир Кумач заплатил бы не одну горсть драгоценностей.

– Язык растет на мокром месте, а потому уста приносят мед, но и причиняют много бед. Известно, что чем меньше слов, тем лучше и спокойнее!..

– Да, украшение пустыни – вода, а ее краса – лебедь правды... правды!

– А потому и не мучь меня разговором об этом человеке, мне хочется обнажить меч!

– Вижу! Но помни, джигит, может так случиться, что ты вернешься к этим разговорам... Ведь горбун часто встречается и беседует с моим отцом в библиотеке. Иногда он задает такие вопросы, что мой отец подолгу задумывается.

Девушка говорила одно, а по ее голубым глазам, которые то и дело прятались за густые ресницы, можно было прочесть совершенно другое.

– Наш путь подходит к концу, – всматриваясь в Ягмура, вдруг сказала Аджап, – и на твоём лице я читаю строчки печали, мой избавитель, – вздохнула юная хорасанка, не сводя глаз с красивого лица юноши. – Мне кажется, что не один горбач тому причиной. Скажи, что тревожит твоё сердце? Не могу ли я помочь?

– Госпожа, забудьте о той маленькой услуге, которую мне посчастливилось оказать вам.

– Нет, нет! Как только мы приедем в Мерв, я обязательно сообщу о тебе отцу. Ты рисковал жизнью. И пусть он отблагодарит за смелый поступок. Если б не ты, я с веревкой на шее сидела бы сейчас на базаре Самарканда. Храбростью обладает не каждый. Всевышнее небо не всех отмечает такой счастливой печатью.

– Спасибо, госпожа, но я не достоин таких похвал. Все дело в том, что я очень долго томился в плену, и только теперь узнал цену свободе.

– Храбрый воин, разрешаю называть меня просто Аджап.

– О, это для меня большая честь. Слушай же, Аджап!.. Грущу я потому, что нет рядом моего друга, мастера по серебру, которому так хотелось умереть в родном Мерве... Вы слышали когда-нибудь о знаменитом ювелире из Мерва – Айтাকে?

– Айтак?

– Да, мастер Айтак.

– Раньше в Мерве отец заказывал кому-то серебряные переплеты для книг. На одной из таких работ я, кажется, читала такое имя.

– Благодарю тебя за эти воспоминания. Вместе с мастером Айтском мы были в плену, в далеком Самарканде.

– Да, теперь я вспомнила: имя Айтска я читала на серебряном гробу жены серахского управителя. Отец ездил в Серахс в дни скорби и печали.

Из-за бархана вдруг появился стражник. Сильный голос крикнул на все ущелье:

– Всем в дорогу! Караван-баши приказал. Еще один перевал и мы будем у ворот Мерва. Хов, в дорогу!..

– Мастер Айтск, – продолжал между тем свой рассказ молодой огуз, – дрался как лев. От его руки погибли два стражника. А эта собака, управляющий, побоялся драться с ним. Гневное небо мрачно улыбнулось ему... Старик умер от пыток. А моя судьба сложилась иначе. Мне удалось под чужим именем завербоваться в один из легионов, уходивших усмирять каракитаев. Четыре года я ждал этого дня. И вот, когда я нашел тебя, Аджап, расположенный на обрыве наш лагерь был поднят по тревоге. Из Самарканда прибыл гонец и привез тревожную весть: заговорщики призывают людей выступить против султана султанов!.. Да укрепит аллах его руку в бою. И говорят, что возглавляет возмутителей мой бывший хозяин. Клянусь, я отомщу за смерть друга Айтска! Идет беда. Как только я узнал, тут же решил бежать и сообщить в Хорасане о надвигающейся опасности.

– Почему ж ты до сих пор молчал о своей тайне? – спросила девушка.

– Не всякую тайну доверишь спутнику даже в дальней дороге.

– Да-да... Тогда едем, – привстав, сказала хорасанка. – Дорога каждая минута. В Мерве должны знать о замыслах врагов, засевших в Самарканде. Сейчас же веди коня! Возьми его у начальника стражи каравана, – приказала Аджап своей кормилице. Женщина осторожно поднялась с ковра, и когда она поправляла пояс, то стало слегка заметно, что груди у нее какой-то странной формы...

– А не боится луноподобная ехать одна в песках с мужчиной?

– Глаз – трус, сердце – храбрец. Псы собьются в стаю – волка одолеют... Торопись, бек-джигит! – Девушка стряхнула с ковра остатки еды и накрыла им спину лошади.

Всадники вскочили на коней и помчались.

К вечеру, запыленные, они пересекли последнюю гряду бархан и переправились через Джейхун. Перед ними раскинулась бескрайняя зеленая равнина, перерезанная глубокими арыками. Солнце закатывалось. Из-за далеких острых гребней виднелась огненная корона, и ее отблески золотыми бликами играли на поверхности Джейхуна. Неподалеку на высоком холме, утопая в пышной зелени виноградников, виднелся огромный замок с высокими, толстыми стенами и узкими бойницами. Над его главным входом развевалось длинное змеевидное знамя.

Конь Ягмура жадно потянулся к воде неширокого ручья. Но ловкая рука хорасанки перехватила узду и преградила путь к воде коням. Остановила и путника.

– Подожди, чужеземец! – улыбнулась хорасанка. – Не пей. Послушай, что расскажу. Старики говорят удивительное: кто напьется нашей воды, тот, где б ни странствовал, умирать придет на эту землю. Да благословит небо твой путь и судьбу твою! Подумай, перед тем как совершить этот шаг... прикоснуться к нашей воде.

Девушка прижала к сердцу руку, низко поклонилась и отъехала от ручья.

– На моей родине, в далеком Балхе, умудренные знанием старцы рассказывают тоже много занятных легенд. Воины слушают с почтением, но в бою больше доверяют мечу и щиту.

– Ты, гордец, не веришь? – огорчилась девушка. – Так пусть же перс пронзит меня стрелой, если не свершится в твоей судьбе предсказанное мною!..

Ягмур напоил коня и сам надолго припал к воде губами.

А вокруг пела степь, заливались жаворонки. Желтыми огнями пылали цветы джейраньей чашечки. От подножья близких барханов лились реки пламенеющих маков, и, казалось, барханы истекали кровью.

– Надо спешить, – волновалась Аджап, – звезда счастья уже заблистала над степью, но стоит ей только коснуться вершин барханов и стражники закроют ворота Амуля (Амуль – древний город на Аму-Дарье (старый Чарджоу)).

И снова два горячих жеребца рванулись – по такыру, манившему

уоставших путников к цветущей равнине, на которой, как рыцарь, возвышался замок.

В Амуле, строгая и молчаливая Аджап свернула в квартал сундучников, где жил друг ее отца. Дочь писаря великого султана здесь встретили радостно и богато; под развесистым тутовником расстелили дорогие ковры. Хозяину дома было приятно, что девица из знатной семьи, ездившая в Самарканд читать старинные книги и слушать самых образованных шейхов вселенной, не побрезговала его очагом. После крепкого вина он развалился на подушках и выслушал Аджап, которую знобило после переправы через Джейхун.

– Значит, ты не поверил дочери моего друга? – вдруг обратился хозяин дома к молодому гостю. – Не веришь... кто напьется воды в Каракумах, умирать приедет на нашу землю... Значит, не хочешь поверить?

Ягмур молча улыбнулся.

– Тогда послушай, юноша, что я тебе расскажу... Один из полководцев Искандера двурогого как-то возвращался из дальнего похода. Несколько дней во рту у воина не было ни капли воды. И вот воин, посланный к горам, привез свежую зеленую веточку. Увидев ее, греки заторопили коней.

Поблизости оказался родничок. У этого холодного источника они восславили за щедрость богов. И вдруг перед ними появился старец.

– Стойте! – крикнул он, подняв руки в знак приветствия. – Не пейте!.. Молодым воином я тоже испил из этого источника и навсегда остался здесь жить.

Хвастливые воины не поверили старику. Посмеялись над ним. А когда Искандер двурогий проходил по отрогам Копет-Дага, один из его полководцев, не поверивший седобородому старцу, вскоре был ранен у ручья и остался в горах со своими слугами и женщинами... Вот так в наших горах появился народ моего племени, который был назван нохурли. – Так старик закончил свой рассказ, пристально всматриваясь в лицо воина.

И Ягмур понял, что настало время рассказать гостеприимным хозяевам о своей судьбе.

Продолжение следует >> Taryhy proza